

Munich Personal RePEc Archive

Economy of Georgia: Fragile economic stability

Grigoryev, Leonid and Pavlyushina, Victoria and
Muzychenko, Evgeniya and Kulaeva, Nesipli

National Research University Higher School of Economics,
Analytical Center for the Government of the Russian Federation,
Lomonosov Moscow State University

2019

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/102523/>
MPRA Paper No. 102523, posted 20 Aug 2020 08:54 UTC

Л. М. Григорьев, В. А. Павлюшина, Н. М.-А.
Кулаева, Е. Э. Музыченко

Экономика Грузии: хрупкая устойчивость роста

В работе рассматриваются особенности развития экономики Грузии за 30 лет переходного периода, основные факторы устойчивости ее экономического роста, сохраняющейся на протяжении последнего десятилетия. Отмечены исключительная тяжесть кризиса в начале трансформационного периода в экономике Грузии в 1980—1990-е годы, а также успехи рыночных реформ. Показаны последствия периода трансформации как для граждан страны, так и для ее экономики, в частности для развития человеческого капитала в условиях наличия острых социально-экономических проблем. Кроме того, рассматриваются изменения структуры и драйверов экономического роста, зависимость грузинской экономики от внешнего финансирования (как инвестиций и внешней помощи, так и личных переводов мигрантов). Социальное развитие Грузии до сих пор характеризуется множеством проблем: низким естественным приростом населения, высоким уровнем бедности, социальным неравенством.

Ключевые слова: экономический рост, Грузия, постсоветское пространство, человеческий капитал.

JEL: O11, O15, P2, P21, Z32.

Григорьев Леонид Маркович (lgrigor1@yandex.ru), к. э. н., ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), главный советник руководителя Аналитического центра (АЦ) при Правительстве РФ (Москва); Павлюшина Виктория Александровна (pa_victoria@mail.ru), стажер-исследователь научно-учебной лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ, замначальника Управления макроэкономических исследований АЦ при Правительстве РФ (Москва); Кулаева Несипли Мавлит-Алиевна (nesipli.kulaeva@mail.ru), магистр экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, советник Управления макроэкономических исследований АЦ при Правительстве РФ (Москва); Музыченко Евгения Эдуардовна (jennymuz123@gmail.com), магистр факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, советник Управления макроэкономических исследований АЦ при Правительстве РФ (Москва).

Введение

С начала масштабных преобразований в странах Центральной и Восточной Европы (далее — ЦВЕ) и на постсоветском пространстве прошло уже почти 30 лет. Новые политические элиты выиграли в ходе проводимых реформ, укоренились надолго, а народам пришлось несладко (Григорьев, 2015). Социальные издержки трансформации — тема непопулярная, историки заняты изучением успехов независимых стран в продвижении демократии, а экономисты — анализом структурных реформ и проблем макростабилизации. Однако трудности стартового периода трансформации и ее последствия сказались как на жизни простых граждан, так и на успешности перехода к демократии и проведения экономических реформ, а также на политической устойчивости в последующий период.

Глубина кризиса в группе стран ЦВЕ, особенно на постсоветском пространстве, в начале 1990-х годов резко различалась — от нулевого падения реального ВВП в Словении до -72,5% в Грузии. Популярная у политологов концепция J-кривой роста должна была учитывать совершенно разное по глубине падение благосостояния граждан. Последние находились в состоянии эмоционального подъема, но не были готовы к неожиданным проблемам в экономической сфере: потере занятости, ограничению предоставления государственных услуг, сокращению потребления. Существенно повлияла на жизнь людей и ход социально-политических процессов длительность кризиса, прежде всего различие между несколькими годами рецессии (в большинстве стран ЦВЕ) и затяжными депрессиями в течение десятилетия и больше (в большинстве постсоветских стран). В этот период человеческий капитал последних понес огромные потери. Мы полагаем, что при осмыслении итогов периода трансформации важно учитывать состояние общества, развитие человеческого капитала, адаптацию семей к новым условиям жизни, особенно к внутреннему кризису в период перехода к демократии, а для многих — и к независимости. В сентябре 1992 г. мы отметили это обстоятельство в небольшой публикации в газете «Нью-Йорк таймс»: «Ни один лидер еще не набрался смелости сказать народам Советского Союза, что переход к рыночной экономике повлечет за собой большие трудности. Западные стандарты не будут достигнуты за одну ночь. Создание среднего класса, который может стабилизировать социальную и политическую жизнь, займет время. После долгого периода плановой экономики нет других альтернатив, кроме тяжелого труда, умеренности и терпения» (Grigoryev, 1992).

Применительно к Грузии можно согласиться с выводами доклада МВФ (IMF, 2019) об успехах реформ и о макроэкономической стабильности в ее экономике к 2018 г. Кроме того, Всемирный банк признал реформы, проведенные в Грузии, самыми успешными на постсоветском пространстве (World Bank, 2006). Несмотря на это,

оценки прошедших реформ у грузинских ученых несколько отличаются: в частности, отмечается, что в 2003 г. Грузия была первой по ВВП на душу населения среди «кавказских соседей» (Армения, Азербайджан), а в 2011 г. опустилась на последнее место (Папава, 2013). Предполагаемое достижение в 2019 г. реального объема ВВП 1990 г. воспринимается как некий порог — завершение переходного периода в экономике Грузии. Теперь можно подвести определенные итоги трансформации в стране. Статистика Всемирного банка показывает значительное падение ВВП республики еще в составе СССР в 1986 и 1989 гг. (–8,2 и –7,2% соответственно). Это сокращение несколько меняет представления о начале трансформационного кризиса и о том, с какого года надо отсчитывать падение производства и благосостояния в Грузии и, следовательно, момент завершения периода формирования ее институциональной основы и перехода к устойчивому экономическому росту.

«Моментальная фотография» на момент распада СССР

Для многих людей старт реформ в СССР и его распад выглядят как космическая пыль, из которой возникли новые планеты — независимые страны. Появившиеся в 1991—1992 гг. 15 независимых государств унаследовали не только население, территорию и природные ресурсы с климатом. Более того, население каждой республики (и будущие элиты) имело определенный стандартный набор услуг в области образования (включая изучение родного языка), накопленные активы в инфраструктуре и различных отраслях хозяйства, а также человеческий капитал. Плановое хозяйство предполагало стремление к выравниванию развития союзных республик и регионов страны, но, разумеется, к 1992 г. реального равенства между ними не наблюдалось. Поэтому мы попробуем дать небольшую «фотографию» по нескольким параметрам социально-экономического развития Грузии, чтобы получить отправную точку для дальнейшего анализа.

Республика Грузия в Советском Союзе занимала необычное положение. Необходимо отметить влияние грузинских политиков, которых, безусловно, помнят те, кто жил в СССР в XX в.: Иосиф Джугашвили, Николай Чхеидзе, Григорий (Серго) Орджоникидзе, Лаврентий Берия. Оценки их деятельности, мягко говоря, не однозначны как в памяти людей, так и среди историков.

Влияние грузинской культуры на все слои общества и интеллигенцию в СССР было очень значительным: «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели проходили в школах по всей стране, героев Петра Багратиона и Мелитона Кантария знали все. Те, кто хотя бы раз был в Грузии, понимали славу царицы Тамары и прелесть картин Пиросмани. Плеяда выдающихся грузин советского времени вызывает и почтение, и ностальгию: Мераб Мамардашвили, Чабуа Амиреджиби, Ираклий Андроников, Резо Габриадзе, Георгий Данелия, Роберт Стуруа, Отар Иоселиани, Ираклий Церетели, Тенгиз

Абуладзе и Булат Окуджава. Великих актеров и певцов было много, но все любили Софиико Чиаурели, Зураба Соткилаву, Нани Брегвадзе, Маквалу Касрашвили и Вахтанга Кикабидзе. Из более молодых известны такие имена, как Нина Ананиашвили, Тамара Гвердцители, Николай Цискаридзе и Борис Акунин (Георгий Чхартишвили). Шахматисты помнят Нону Гаприндашвили и Майю Чибурданидзе, а футбольные болельщики — Михаила Месхи, Славу Метревели, Рамаза Шенгелия, Давида Кипиани и, конечно, Котэ Махарадзе.

Для грузинской культуры, особенно песенно-танцевальной и театральной, было открыто пространство — фактически рынок — СССР и во многом всего социалистического лагеря. В концертном бизнесе всегда «спрос правит бал», поэтому республика, помимо промышленности и транспортного транзита, активно развивала две отрасли: культуру и туризм.

Расцвет грузинской культуры не ограничивался интеллектуальной и артистической элитой, имевшей опору в образованных слоях общества всего Советского Союза и стран ЦВЕ. У него были определенные социально-экономические основания внутри республики. О развитости промышленности и науки можно судить по необычайно высокой доле жителей республики с высшим образованием: 151 человек на 1000 против 108 на 1000 в целом по СССР (табл. 1). Более высокая обеспеченность жильем, чем в целом по стране, особенно при строительстве новых индивидуальных домов, указывала на дополнительные источники финансирования. Вместе с высоким уровнем образования это свидетельствовало о больших возможностях для самореализации населения в республике, чем в среднем по СССР, а также об огромном накопленном человеческом капитале.

В 1991 г. Госкомстат СССР предпринял попытку показать различия в торговых балансах между советскими республиками в действующих (плановых) и мировых ценах. Грузинская республика оказалась

Таблица 1

Социально-экономические показатели Грузии, РСФСР, Украины и Армении в 1990 г.

Республика СССР	Население (млн человек)	Рождаемость (на 1000 человек)	Смертность (на 1000 человек)	Естественный прирост населения (на 1000 человек)	Население старше 15 лет с высшим образованием (на 1000 человек)	Средний размер жилой площади на человека (кв. м)	Средний размер квартир в новых индивидуальных
СССР	288,6	16,8	10,3	6,5	108	10	81,0
Грузия	5,4	17,0	8,4	8,6	151	13	100,3
РСФСР	148,0	13,4	11,2	2,2	113	9	76,1
Украина	51,8	12,7	12,1	0,6	104	10	75,1
Армения	3,3	24,0	6,6	17,4	138	10	121,3
Объем ввоза и вывоза продукции							

Республика СССР	во внутренних ценах (млрд руб.)			В мировых ценах инвалютных (млрд руб.)		
	ввоз	вывоз	сальдо	ввоз	вывоз	сальдо
Грузия	6,5	6,1	-0,4	5,5	3,4	-2,1
РСФСР	144,3	109,8	-34,7	108,9	141,0	32,1
Украина	54,5	48,1	-6,5	52,8	47,7	-5,1
Армения	4,9	3,7	-1,2	3,7	2,4	-1,4

Источник: Народное хозяйство СССР в 1990 году. М.: Госкомстат СССР, 1991. С. 67, 89, 183, 184, 210, 642.

бенефициаром некоторых элементов плановой организации экономики (наука, культура и снабжение туристов) при фактической (ограниченной кампаниями по борьбе с теневым бизнесом) свободе мелкого курортного предпринимательства. Массовый туризм, естественно, предполагал дополнительный ввоз в республику по межреспубликанским поставкам значительных объемов топливно-энергетических ресурсов, сырья и продовольствия. Как видно из данных таблицы 1, Грузия была в числе республик, которые выигрывали на разнице между внутренними плановыми и мировыми ценами, причем значительно. При переходе к рыночной экономике и свободному ценообразованию ценовые диспаритеты планового хозяйства неизбежно должны были резко измениться, включая цепочки создания стоимости и точки концентрации доходов от накопленных советских активов, но это мало кто осознавал среди политиков и даже экономистов.

Разумеется, все недостатки планового хозяйства проявлялись в Грузии так же, как и в остальных советских республиках, однако существовали экономические механизмы, обеспечивавшие устойчивость благосостояния ее жителей «на взморье». Они представляли собой некий гибрид: не только и не столько плановое хозяйство, сколько сочетание плановых поставок продовольствия по государственным ценам из других регионов для всесоюзных здравниц и рыночных отношений с курортниками, особенно так называемыми «дикарями». В 1950—1980-е годы на побережье Черного моря де-факто действовал рыночный курортный бизнес (помимо больших здравниц). И дело здесь не столько в теневиках и подпольных аферах советской эпохи, сколько в массовом частном использовании всех помещений для неформального отдыха огромных масс трудящихся: ночлег, питание, развлечения. Сочетание теплого климата и моря, фруктов и гостеприимства обеспечивало (как и теперь) поток отдыхающих и по путевкам, и за свой счет. В сезон отпусков едва ли не все «койки» в личных домах и квартирах на побережье Кавказа были заняты и оплачены приезжими из холодных регионов большой страны. Соответственно поставки продовольствия и прочих курортных товаров для формального и неформального туризма были организованы так, что в соответствии с теорией «цепочек создания стоимости» значительная часть зарплаты, жилищной и курортной ренты, прибыли малого бизнеса в торговле, питании и развлечениях оседала в Грузии, хотя и неравномерно с точки зрения социального расслоения.

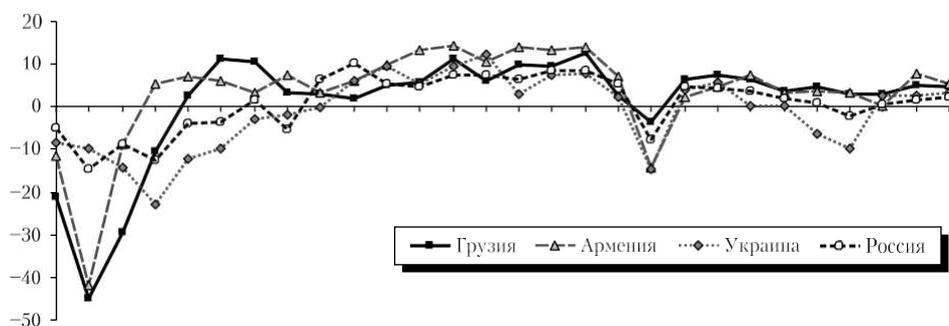
Оценим самые очевидные последствия рыночной трансформации в рамках СССР или его распада с сохранением торгово-хозяйственных связей. Можно утверждать, что частная торговля и предпринимательство, а также

туризм могли дать Грузии большие преимущества (как частное сельское хозяйство и розничная торговля способствовали быстрой трансформации польской экономики), хотя в рамках плановой экономики внутри СССР было бы неизбежным быстрое сокращение ценового выигрыша от дешевого сырья и энергоресурсов.

Экономический кризис в СССР в конце 1980-х годов отразился и на Грузии, но побережье оставалось «золотой жилой» республики, помимо ее остальных активов (Григорьев и др., 1991). В момент распада СССР Грузия была одной из самых благополучных, образованных и процветающих республик. В случае организованного роспуска СССР все республики столкнулись бы с необходимостью поддерживать функционирование экономики, обеспечить переход от плановых предписаний к длительным контрактам на взаимные поставки. Глубокий экономический кризис и внезапный распад СССР поставили хозяйство советских республик в тяжелое положение.

Экономический кризис переходного периода в СССР наблюдался уже в 1990 г. (рис. 1). Разумно предположить, что это был последний момент для «мягкой посадки», то есть для проведения реформ по переходу к рынку в СССР с шансом избежать распада страны. К тому времени политическая элита СССР начала осознавать необходимость радикальных реформ, но не могла прийти к единому мнению о том, какие реформы проводить, кто и как будет ими руководить¹. В 1990—1994 гг. падение ВВП в России составило порядка 40,8%, так что общий шок сокращения производства уже шел волнами по всему пространству СССР, а потом и по вновь образовавшимся независимым республикам.

Реальный ВВП России, Украины,

Армении и Грузии, 1991—2018 гг. (в %)

1991 1993 1995 1997 1999 2001 2003 2005 2007 2009 2011 2013 2015 2017

Источники: Всемирный банк; МВФ. Рис. 1

¹ На это указывает феномен программы «500 дней», которая была запущена распоряжением М. С. Горбачева летом 1990 г., но фактически работала для Б. Н. Ельцина, поскольку первый выслушал доклад команды авторов, но не принял четких решений.

По данным Всемирного банка, сокращение производства в Грузии началось еще в 1986 г. и с 1989 г. оно шло быстрее, чем в России². К 1990 г. в ряде отраслей промышленности выпуск продукции в республике сократился на двузначные величины (в процентах). По оценке грузинских ученых и экспертов, это было связано с конфликтом центрального правительства республики с автономиями и разрывом хозяйственных связей с другими республиками СССР (Беридзе, Меквабишвили, 2018). Всемирный банк оценивает сокращение ВВП республики в 1990 г. на уровне 14,8%³. После распада СССР Грузия оказалась в числе постсоветских стран, испытавших наиболее глубокий экономический кризис: в 1994 г. ее реальный ВВП сократился на 72,5% относительно уровня 1990 г.

Существенную роль в спаде грузинской экономики в начале 1990-х годов сыграли политическая нестабильность, гражданские и вооруженные конфликты. В течение 1991—1994 гг. реальный ВВП страны был фактически в свободном падении, а накопленным итогом с 1986 г. он сократился почти на 90%⁴. Этот шок стал исходным моментом в развитии экономики Грузии в период трансформации. Потребовались гигантские усилия народа, глубокие реформы и значительные внешние финансовые ресурсы, чтобы вывести экономику страны в 2019 г. на уровень 1990 г.

По оценкам МВФ, в 2019 г. реальный ВВП страны на 2,7% превзойдет значения показателя 1990 г. до распада СССР. При этом в соседней Армении в 2018 г. он превысил значение 1990 г. на 94,4%. Но с учетом падения ВВП Грузии еще в 1980-е годы для восстановления до уровня 1986 г., видимо, потребуется еще больше времени. В любом случае мы говорим о самом глубоком социально-экономическом кризисе переходного периода среди всех стран с социалистическим прошлым, а, возможно, и за всю историю рецессий в мировой экономике (кроме периодов войн). Масштабы трудностей для населения и контраст с прежней жизнью могут представить себе только те, кто пережил кризис с падением ВВП более чем на 40% в России, Украине и ряде других республик в 1990-е годы.

К столь значительному спаду в Грузии на старте трансформационного периода привели разрушение хозяйственных связей на постсоветском пространстве и внутренние конфликты. В тот период правовые и финансовые условия для нормальной торговли

² Одной из причин замедления роста экономики СССР было снижение цен на нефть после 1985 г., хотя объем ее экспорта на западные рынки был тогда не очень значительным, поскольку большая его часть направлялась в социалистические страны по низким ценам (если не в виде помощи). Но это могло отразиться на экономике Грузии через сокращение притока средств, особенно от частных туристов.

³ <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=GE&start=1982>

⁴ Спад 1986 г. в Грузии, возможно, также связан с антиалкогольной кампанией в СССР, начавшейся в 1985 г., которая отрицательно сказалась на виноделии в республике.

внутри постсоветского пространства только начинали складываться.

Сокращение поставок топлива и продовольствия по новым ценам в условиях гиперинфляции и снижение потока туристов стали важными факторами развития кризиса. В среднесрочной перспективе трудности роста экономики страны были связаны с отсутствием собственной ресурсной базы, преобладанием занятости в сельском хозяйстве и зависимостью от внешнего туризма. Сказалась и частичная потеря важного преимущества грузинской экономики — транзита в Армению и Азербайджан, что было, в свою очередь, обусловлено экономическими кризисами (и конфликтом) у соседей. Внутренние гражданские (в том числе вооруженные) конфликты парализовали хозяйственную деятельность, а политические решения усугубили экономическую ситуацию. Особенно тяжелые последствия, видимо, имело решение политического руководства страны в 1992 г. запретить торговлю Грузии с Россией (Пылин, 2013). Был приостановлен транзит российских товаров через грузинскую территорию по железной дороге в результате конфликта в Абхазии. Для полноты картины упомянем три конфликта (разной формы и степени драматичности) между политической элитой Грузии и автономиями советского времени (конец 1980-х годов, 1992—1993 гг. и 2008 г.), которые сыграли огромную негативную роль как для экономики страны, так и для ее политических отношений с Россией.

Независимость Грузии была провозглашена в 1991 г. С момента распада СССР ее внешняя политика направлена на присоединение страны к ЕС и НАТО (Чедия, 2010). Грузия вышла из СНГ 18 августа 2009 г. С 1 июля 2016 г. вступило в силу Соглашение об ассоциации между Грузией и ЕС, предусматривающее создание углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли, в результате страна стала ассоциированным членом ЕС и укрепила торговые связи с европейскими государствами. Геополитическое положение Грузии обуславливает ее роль транзитера в торговле между странами Европы и Центральной Азии. Так, на фоне конфликта между Арменией и Азербайджаном они получают доступ к европейским рынкам через территорию Грузии. Отношения с Россией складывались непросто и испытывали маятниковые колебания, но в целом общий поток доходов и капиталовложений, связанных с ней, был важен для экономики Грузии (когда не прерывался по политическим причинам).

Ключевые социальные проблемы страны

Процесс перехода от плановой экономики к рыночной в принципе не может быть легким. К сожалению, на всем огромном пространстве перехода людей не предупредили о возможных проблемах. Отсутствие внятных институциональных механизмов поставило страны и граждан перед фактом быстро развивающегося кризиса. По прошествии 30 лет важно понять, что стало с людьми,

которые хотели свободы и лучшей жизни, с их человеческим капиталом. Здесь мы видим пять серьезных проблем социально-демографического характера: демография и миграция; старение населения; высокая безработица; относительная бедность и социальное неравенство; контраст между высоким образованием и структурой занятости.

Демографическая ситуация в Грузии в постсоветский период характеризуется значительным снижением численности населения из-за низкой рождаемости и оттока трудоспособного населения из страны. По оценкам Всемирного банка, до 1993 г. численность населения Грузии увеличивалась, достигнув максимального значения 4,9 млн человек. Однако в целом за 1990—2018 гг. она сократилась почти на $\frac{1}{4}$ — до 3,7 млн человек (табл. 2). Несмотря на то что за указанный период естественный прирост населения был положительным, в стране наблюдалось сокращение его численности ввиду отрицательного миграционного баланса. Отток населения стал одной из ключевых социально-демографических проблем в новейшей истории Грузии. Так, в 1994—1996 гг. чистый отток мигрантов достигал 37—40 человек на 1 тыс. населения в год, в 1997—2000 гг. он сократился до 19—30 человек. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, по состоянию на 2017 г. наибольшее число грузинских эмигрантов проживает в России (450,5 тыс. человек), Греции (81,9 тыс.) и на Украине (65 тыс. человек)⁵

Таблица 2

Демографические показатели Грузии, 1990—2018 гг.

Показатель	1990	2000	2005	2010	2015	2018
Население, млн человек	4,8	4,1	3,9	3,8	3,7	3,7
Население старше 64 лет, % населения	9,3	12,4	14,3	14,3	14,6	15,0
Рождаемость (на 1 тыс. человек)	17,1	12,0	12,6	14,2	13,8	13,2 ^б
Смертность (на 1 тыс. человек)	9,4	9,9	10,7	12,5	13,3	13,2 ^б
Граждане Грузии, проживающие за границей, тыс. человек	920,4	968,1	886,0	810,9	833,3	838,1 ^б
Чистый отток мигрантов, тыс. человек	194,6 ^а	79,2	25,5	30,4	3,4	10,8

^а Данные за 1994 г.; ^б данные за 2017 г.

Источники: Грузстат; Всемирный банк; Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН.

Миграция негативно влияет на демографические процессы не только из-за оттока жителей. В силу сокращения населения репродуктивного возраста, которое составляет основную группу мигрантов, снижаются показатели его естественного прироста

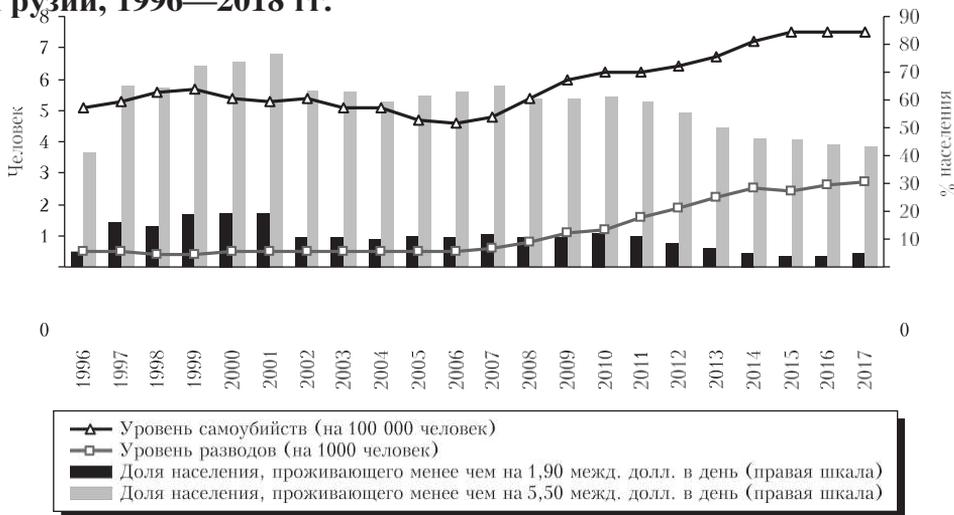
⁵ Статистика миграции, разумеется, неточна, и фактическое положение дел до конца не ясно.

(Денисенко, 2018). Кроме того, сокращение численности населения Грузии в трудоспособном возрасте порождает другую демографическую проблему — старение жителей страны. В 2000—2018 гг. доля населения старше 64 лет увеличилась с 12,4 до 15% — такая картина типична для стран с высокой эмиграцией.

Ключевая причина эмиграции из Грузии — нехватка рабочих мест. Однако, даже несмотря на значительный отток рабочей силы, для страны по-прежнему характерен высокий уровень безработицы. В структуре занятости значительная доля самозанятых: 43% экономически активного населения в 2018 г. Этих жителей страны, возможно, следует рассматривать как находящихся в состоянии скрытой безработицы, статистически «приписанной» к малому бизнесу и сельскому хозяйству⁶.

Собственно безработица, по оценкам Всемирного банка, в 2018 г. остается на уровне 13,9% среди всего населения Грузии и 28,9% среди молодежи (15—24 года). Можно предположить, что такие большие группы населения страны могут существовать за счет неформальной занятости или неучтенной миграции. Фактически острая ситуация с безработной молодежью обуславливает социальные причины перио-

Доля бедных, уровень разводов и самоубийств в Грузии, 1996—2018 гг.

Источники: Всемирный банк; Грузстат. Рис. 2

дически возникающей политической нестабильности. Мы также видим, что к концу 30-летнего периода постсоветского развития после 10 лет относительно высоких темпов экономического роста граждане страны находятся в состоянии стресса. Это проявляется в росте числа разводов и даже самоубийств (рис. 2). После 2008 г. более чем в пять раз вырос уровень разводов, продолжает (хотя и медленно) увеличиваться относительная частота самоубийств, что

⁶ По методологии Грузстата, самозанятыми считаются владельцы собственных предприятий, нацеленные на получение семейного дохода, или лица, задействованные на семейных предприятиях на безвозмездной основе.

редко встречается в странах с переходной экономикой (наблюдается в Армении и Азербайджане из 22 стран с переходной экономикой; (Grigoryev, Popovets, 2019).

Наряду с большой долей безработного населения для социальной структуры Грузии характерен высокий уровень бедности. По данным Всемирного банка, в условиях относительной бедности (менее 5,5 межд. долл. в день на душу населения) в 2018 г. проживало чуть меньше половины населения страны. В последние годы в Грузии наблюдаются положительные тенденции в борьбе с абсолютной бедностью: с 2010 г. она сократилась с 12,2 до 5,0% (см. рис. 2) в результате социальной политики, направленной на поддержку наименее обеспеченных слоев населения. В частности, с 2010 г. государственные расходы на социальную сферу выросли в 2,3 раза. Коэффициент Джини, характеризующий неравенство доходов населения, в Грузии в 2018 г. составил 37,9 — выше, чем во многих странах постсоветского пространства.

В XXI в. многие показатели развития человеческого капитала Грузии (большинство из них уже в советское время были высокими) постепенно повышаются. По индексу человеческого развития в 2017 г. страна заняла 70-е место в мире (0,780 по сравнению с 0,673 в 2000 г.). Однако по данному показателю Грузия отстает от многих стран постсоветского пространства. Для нее характерен высокий уровень грамотности и образования граждан: совокупный охват населения образованием не ниже среднего в 2016 г. составил 98%. В настоящее время в Грузии обсуждают проведение комплексной реформы, которая будет включать множество изменений и охватывать как дошкольное, так и общее, профессиональное, высшее образование и науку. Расходы на здравоохранение в Грузии в 2016 г. составили 8,4% ВВП, при этом только 36,6% расходов пришлось на государственное финансирование (Аналитический центр при Правительстве РФ, 2019).

Высокий уровень образования в Грузии, как и в России, может выступать конкурентным преимуществом при трудоустройстве. Но в условиях деиндустриализации и острой нехватки рабочих мест, требующих высокой квалификации, вероятно недостаточная оплата для данного уровня человеческого капитала. Процессы миграции или поиска работы внутри страны были осложнены сокращением возможностей для развития человеческого капитала. Осознание тяжести ситуации, длительный период трудностей и хорошая информированность образованных людей о реальном положении дел оказываются факторами стресса в обществе.

Драйверы роста и реформы

В 1992—1995 гг. в Грузии были проведены первые в ее новейшей истории экономические реформы. Они включали снижение роли государства (приватизацию предприятий), либерализацию торговли и были направлены в основном на сокращение инфляции и стабилизацию курса национальной валюты

(лари). В конце 2003 г. — начале 2004 г. в Грузии произошла «Революция роз», в результате к власти пришел М. Саакашвили, правительство которого начало масштабные реформы. Их ключевыми целями стали обеспечение устойчивого экономического роста, развитие частного сектора, дальнейшая либерализация рынка и усиление инвестиционной привлекательности страны. Важным направлением реформ была борьба с коррупцией и преступностью. Всемирный банк признал реформы в Грузии самыми успешными на постсоветском пространстве (World Bank, 2006). Но, несмотря на высокие темпы роста ВВП и других ключевых макроэкономических показателей в конце 1990-х — начале 2000-х годов, в стране сохранялось недовольство действующей властью.

Преобразование экономики страны стало возможно не только благодаря реформам, но и в результате внешней финансовой помощи и динамично развивающейся туристической отрасли. Норма накопления в Грузии в последние годы достаточно высокая — около 30% ВВП, хотя внутренние сбережения близки к 20% ВВП (табл. 3). Это предполагает значительную роль внешних средств: прямых и портфельных инвестиций, займов, притока личных переводов, которые должны покрыть дефицит текущего счета платежного баланса. Положительный вклад в динамику ВВП в период реформ вносили расходы на конечное потребление домашних хозяйств, которые были поддержаны ростом потребительского кредитования.

По данным Всемирного банка, с 2018 г. Грузия относится к группе стран с уровнем дохода выше среднего — ВВП по ППС на душу населения в 2018 г. составил 10,2 тыс. межд. долл. (World Bank, 2018).

Таблица 3

Основные макроэкономические показатели Грузии, 2007—2018 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2015	2017	2018
ВВП реальный, % к предыдущему году	12,6	2,4	-3,7	2,9	4,8	4,7
ВВП номинальный, млрд долл. США	10,2	12,8	10,8	14,0	15,1	16,3
Личное потребление, млрд долл. США	7,4	10,0	8,8	9,5	9,4	10,0
ВВП по ППС на душу населения, тыс. межд. долл. 2011 г.	6,5	6,7	6,5	9,0	9,7	10,2
Обменный курс лари к долл. США	1,7	1,5	1,7	2,3	2,5	2,5
Норма сбережений, % ВВП	12,3	4,0	2,5	18,9	23,6	26,1
Норма накопления, % ВВП	32,1	26,0	13,0	31,5	32,4	34,0
Экспорт товаров, млрд долл. США	2,1	2,4	1,9	3,0	3,6	4,4
Экспорт услуг, млрд долл. США	1,1	1,3	1,3	3,1	4,0	4,5
Импорт товаров, млрд долл. США	4,9	6,2	4,3	7,0	7,4	8,5
Импорт услуг, млрд долл. США	0,9	1,2	1,0	1,7	2,0	2,2
Безработица, % рабочей силы	17,4	17,9	18,3	14,1	13,9	—
Среднегодовая инфляция, %	9,2	10,0	1,7	4,0	6,0	2,6
Госдолг, % ВВП	25,5	31,2	41,0	41,4	45,1	44,5
Дефицит госбюджета, % ВВП	0,8	-2,0	-6,5	-1,3	-1,6	-0,5

Источники: Всемирный банк; МВФ.

Согласно нашему кластерному подходу, страна в данный период относится к кластеру 4 (7—14 тыс. межд. долл. ВВП по ППС на душу населения), в числе таких стран, как Армения, Украина и Индонезия (Григорьев, Павлюшина, 2018).

В результате проведенных преобразований во многих рейтингах, характеризующих качество институтов, страна находится в начале или середине распределения. Так, Грузия занимает 41-е место из 180 по индексу восприятия коррупции. По данным Всемирного экономического форума за 2018 г., страна находится на 66-м месте из 140 по индексу глобальной конкурентоспособности. За последние годы Грузия значительно улучшила свои позиции в рейтинге Doing business, отражающем легкость ведения предпринимательской деятельности: страна заняла 6-е место из 190 — лучший показатель среди стран постсоветского пространства. Высокие позиции в рейтинге Грузия демонстрирует по таким компонентам индекса, как регистрация предприятий (2-е место), защита миноритарных акционеров (2-е), регистрация собственности (4-е), обеспечение исполнения контрактов (8-е), а по остальным компонентам индекса страна занимает 12—60-е места.

Из-за высокого уровня трудовой миграции большую роль в экономике страны играют личные денежные переводы из-за рубежа (табл. 4). С начала 2000-х годов их объем сильно возрос, что объясняется большой накопленной эмиграцией, а также значительным экономическим ростом в странах, из которых поступает большая часть переводов. Положительную динамику роста обусловило значительное увеличение инвестиций в экономику страны.

В 2004 г. денежные поступления составляли около 400 млн долл., увеличившись к 2013—2014 гг. до 1,5 млрд долл. (см. табл. 4). Заметное сокращение личных денежных поступлений в 2015 г. было вызвано

Таблица 4

**Платежный баланс и финансирование развития в
2004—2018 гг. (млн долл.)**

Показатель	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Счет текущих операций	-432	-757	-1272	-2105	-3133	-1249	-1330	-1962	-1944	-1027	-1860	-1869	-1973	-1444	-1321
Денежные переводы, приток	391	351	505	655	819	930	1051	1339	1454	1498	1484	1119	1149	1284	1427
Прямые инвестиции, обязательства	533	453	1171	1868	1589	653	898	943	538	777	1715	1558	1176	1649	1003
Портфельные инвестиции, обязательства	-1	2	142	34	123	12	251	108	881	-43	247	-71	144	164	207
Другие инвестиции, обязательства	158	179	323	889	962	644	483	966	568	397	484	1197	473	550	440
Чистые кредиты и займы МВФ	-34	-13	-8	3	216	309	276	-59	-245	-382	-136	-73	-14	71	28
Сумма поступлений по приведенным статьям	1047	974	2135	3450	3709	2547	2960	3297	3196	2248	3794	3730	2928	3719	3105
Исключительно финансирование	-43	76	48	30	793	-68	142	489	846	501	213	341	1094	320	462
Изменение резервных активов	178	111	439	377	131	616	208	573	38	-46	-34	-99	245	242	280

Примечание. Операции (списания и пр.) по различным статьям баланса могут рассматриваться как внешняя помощь, то есть безвозвратные ресурсы.

Источник: IMF Balance of Payments and International Investment Position Statistics.

снижением объема переводов из России в результате падения цен на нефть и экономического спада в стране (у остальных стран-доноров наблюдался подъем)⁷. В 2000 г. личные денежные переводы составляли 2,1% ВВП, а к 2018 г. — 9,7%. С 2002 г. страной — лидером по объемам денежных переводов в Грузию выступает Россия, на которую в 2018 г. пришлось почти 30% всех денежных поступлений (457,2 млн долл.). Это объясняется тем, что больше всего жителей Грузии эмигрировали именно в Россию. Министр экономики Грузии Н. Турнава оценила поток средств из России в Грузию выше официальных статистических данных: «Если бы Россия ввела эмбарго, что, к счастью, не произошло, ущерб составил бы 4 миллиарда лари⁸. В первую очередь, это 750 млн долл. от туристов, которые мы планировали получить до конца года. Около 600 млн долл. — это денежные переводы, которые поступили в прошлом году и такая же сумма ожидалась в текущем году»⁹. Следующими по объему денежных поступлений в 2018 г. оказались Италия (192,9 млн долл.), Греция (170,9 млн долл.) и США (159,6 млн долл.). Заметим, что учтенные переводы обычно составляют только часть фактически переводимых сумм, поскольку далеко не все мигранты склонны доверять официальным каналам или готовы платить за услуги перевода.

Приток прямых иностранных инвестиций увеличился с 334,9 млн долл. (8,4% ВВП) в 2003 г. до 1,9 млрд долл. (18,5% ВВП) в 2007 г. Рост инвестиций в начале 2000-х годов в большой степени связан со строительством через территорию страны нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан и газопровода Баку—Тбилиси—Эрзерум. При этом более ³/₄ инвестиций в экономику Грузии в тот период были иностранными. Фискальная реформа привела к росту налоговых поступлений в 10 раз, что обеспечило профицит государственного бюджета в 2004—2007 гг. даже в условиях значительного увеличения государственных расходов (с 15% ВВП в 2003 г. до 35% в 2007 г.).

Экономика Грузии преодолела мировой финансовый кризис 2008—2009 гг., испытал падение ВВП (–3,7% в 2009 г.), который хотя и восстановился в последующие годы (в среднем +6,6% в год в 2010—2012 гг.), но не достиг докризисного уровня. С 2013 г. ежегодные темпы прироста ВВП Грузии снизились до 2,8—4,8%, что на фоне других стран постсоветского пространства выглядит неплохо, однако существенно ниже темпов прироста в предыдущие годы. Это объясняется негативными процессами в экономике ключевых торговых партнеров страны, что сокращает возможности для экспорта, объемы личных денежных переводов мигрантов и доходов от туризма.

При анализе платежного баланса Грузии можно видеть, что в

⁷ Рублевые переводы обесценились из-за девальвации

⁸ 1,45 млрд долл. по среднему обменному курсу с января по июль 2019 г.

⁹ https://www.kp.ru/online/news/3536288/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

XXI в. в страну поступали значительные средства из разнообразных источников (см. табл. 4). О личных переводах говорилось выше. Объем прямых инвестиций составлял от 1,5 млрд до 2 млрд долл. ежегодно, сопоставимых значений в отдельные годы достигали портфельные и прочие инвестиции. Финансирование МВФ было довольно ограниченным (порядка 800 млн долл.), зато в политически важный момент — в 2008 г.

В целом отрицательное сальдо текущего счета платежного баланса покрывается в последние десять лет поступлением прямых и портфельных инвестиций и приростом кредитов. Но надо учитывать, что в рамках текущего счета постоянно увеличивалось (до 2018 г.) отрицательное сальдо торговли товарами. Зато экспорт услуг (³□4 приходится на туризм) в 2018 г. превысил 4 млрд долл., что в четыре раза больше, чем в 2007 г., а положительное сальдо торговли услугами достигло порядка 2 млрд долл. Такая конфигурация в платежном балансе характерна для стран с туристической ориентацией бизнеса и ограниченными возможностями занятости в промышленности.

В Грузии заметна редкая статья «исключительного финансирования», по которой суммарно за 2008—2018 гг. поступило 5133 млн долл. Их, видимо, можно считать внешней финансовой помощью (безвозвратными ресурсами) в форме списания задолженности. Максимум по этой статье относится к периодам кризисов в 2008 г. (793 млн долл.) и 2016 г. (1094 млн долл.; см. табл. 4). Для страны с населением 3,7 млн человек это значительные средства.

В целом с 2011 по 2018 г. страна ежегодно получала брутто порядка 3,5—4,0 млрд долл. внешнего финансирования, то есть около 1 тыс. долл. на душу населения в год, или примерно 2,5—3 млрд долл.

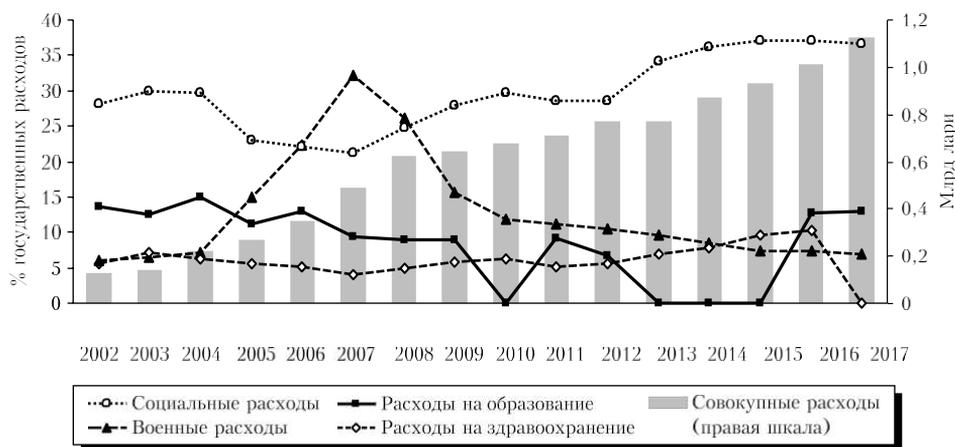
«чистого» притока. Последний состоит из прямых и портфельных инвестиций, которых хватает и на покрытие дефицита текущего счета платежного баланса, и на (что почти одно и то же) финансирование $\frac{1}{3}$ всех сбережений в стране, а еще 1,5 млрд долл. — личные переводы (учтены в текущем счете платежного баланса). Таким образом, устойчивые темпы роста грузинской экономики в последнее десятилетие стали результатом удачного сочетания институциональных реформ, притока финансовых средств по коммерческой линии, личных переводов и внешней помощи правительству.

Фактически разрыв между нормой накопления и нормой внутренних сбережений (к ВВП) в Грузии сейчас близок к 10 п. п. (в 2007 г. он составлял почти 20 п. п.). При объеме ВВП порядка 16 млрд долл. это означает, что необходимо 1,5 млрд долл. чистых сбережений. Как мы показали выше, есть три источника недостающих средств, каждый дает около 1,5 млрд долл. в год: прямые инвестиции, прочие инвестиции и займы, приток личных переводов из-за рубежа. Указанные источники, разумеется, не вполне стабильны во времени, а «исключительное финансирование»

снижается. В настоящее время 150 млн долл. чистого экспорта услуг (доходов от туристов), личных переводов извне и инвестиций и займов обеспечивают примерно 1 п. п. накоплений в ВВП. Для устойчивого роста в будущем эти 10% сбережений должны поступать из-за рубежа из всех источников — в этом и состоят риски развития страны, тем более что роль ведущего драйвера роста легла на высококонкурентный туристический бизнес.

В последние годы правительство Грузии сумело справиться с бюджетным дефицитом и инфляцией. Экономический рост поддерживается за счет заметных государственных инвестиций (порядка 8% государственных расходов) и больших расходов на социальную поддержку бедных, на образование и здравоохранение. Здесь можно отметить одну упущенную возможность развития: резкий рост военных расходов в 2005—2008 гг. — с 7,1% государственных расходов в 2004 г. (82,2 млн долл. по текущему курсу лари) до 32,2% в 2007 г. (928,1 млн долл.) и 26,1% в 2008 г. (1,1 млрд долл.), не считая, видимо, расходов на полицию (Григорьев и др., 2008). Таким образом, значительные средства были направлены на военные расходы (при снижении доли расходов на образование, здравоохранение и социальные нужды; рис. 3), что происходило непосредственно перед конфликтом в августе 2008 г. в Южной Осетии с его тяжелыми политическими последствиями. Если бы эти средства были использованы на цели развития, то страна смогла бы раньше решить насущные проблемы для выхода на траекторию устойчивого роста

Государственные расходы Грузии, 2002—2017 гг.

Источники: Всемирный банк; Грузстат. Рис. 3

В Грузии по-прежнему велика роль доллара (в основном за счет внешних займов), несмотря на объявленный в 2015 г. курс на дедолларизацию экономики. В 2018 г. курс национальной валюты страны начал ослабевать по отношению к доллару США (-3,3%). В условиях высокой долларизации экономики колебание притока личных переводов в долларах существенно влияет на динамику личного потребления в долларах. Долларизация экономики выражается в высокой доле долларовых депозитов (около 63%),

потребительских кредитов (30%), но особенно жилищных закладных и кредитов компаниям (более 80%). Практически это означает, что значительная часть населения измеряет свое благосостояние в долларах. Из-за этого частично обесценивается быстрый рост реального ВВП — личное потребление в долларовом выражении в 2018 г. не превысило уровень 2008 г. (порядка 10 млрд долл.; см. табл. 3). Поэтому для многих жителей страны восприятие экономического роста выглядит менее впечатляющим на уровне текущего потребления.

В 2019 г. девальвация национальной валюты продолжилась: за январь—июнь лари обесценился почти на 10%. В конце июля курс национальной валюты достиг исторического минимума 2,97 лари за 1 долл. Эксперты связывают это с политическим кризисом в стране и ухудшением отношений с Россией (запрет авиасообщения и вероятное сокращение экспорта туристических услуг) (Nicholson, 2019). В целом, несмотря на значительные темпы роста, экономика Грузии испытывает трудности и нуждается в дополнительных драйверах экономического роста.

Структура экономики и внешней торговли

По данным Грузстата, доля сельскохозяйственного сектора в структуре добавленной стоимости снизилась с 31,5% в 1990 г. до 7,7% в 2018 г.¹⁰ Однако сельское хозяйство остается важной отраслью для экономики Грузии. По данным Всемирного банка, в среднем в мире доля этого сектора составила 3,5% в 2016 г., что более чем в два раза меньше аналогичного значения для Грузии. То, что статистика приписывает сельскому хозяйству высокую занятость при сравнительно небольшой доле в добавленной стоимости, отражает, видимо, большие проблемы с реальной занятостью в стране. В новейшей истории доля промышленности в структуре добавленной стоимости Грузии сократилась с 27,0% в 1990 г. до 15,1% в 2018 г. Основу сектора традиционно составляет обрабатывающая промышленность (10,5% добавленной стоимости в 2018 г.).

Одно из ключевых отличий современной грузинской экономики от советской в том, что оптовая и розничная торговля в настоящее время составляет основу экономики страны. В 2018 г. отрасль обеспечила 17,0% всей добавленной стоимости по сравнению с 7,0% в 1990 г. Причем большая часть прироста наблюдалась в период экономических реформ в начале XXI в. Тогда наиболее динамично развивался транспорт, темпы прироста добавленной стоимости которого сократились в последнее десятилетие (в 2018 г. его доля в добавленной стоимости составила 5,2%).

В XXI в. значительно выросла роль услуг: с 18% в совокупной добавленной стоимости в 1990 г. до почти 40% в 2018 г. По данным за 2018 г., большую долю добавленной стоимости обеспечивают такие услуги, как административные, социальная сфера и защита (8,2%),

¹⁰ <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/23/gross-domestic-product-gdp>

операции с недвижимостью (7,4%), здравоохранение (5,8%), образование (4,7%) и финансовое посредничество (4,4%).

Одна из хронических проблем отраслевой структуры Грузии — узкая экспортная база. Традиционно основу товарного экспорта страны (без учета реэкспорта) составляют продукция обрабатывающей промышленности (46,2% в 2017 г.) и продовольственные товары (26,3%). Их доли и товарные составляющие фактически не изменились за время независимости страны.

Внешняя торговля Грузии характеризуется значительным отрицательным сальдо торговли товарами (см. табл. 3), которое сохраняется в течение всего переходного периода (Григорьев и др., 2008). Более того, разрыв между величиной импорта и экспорта стремительно увеличивается в последние годы: в 2018 г. отрицательное сальдо торгового баланса достигло 5,8 млрд долл., что в 13 раз превышает показатель 2001 г. После снижения объема внешней торговли в 2016 г. показатели растут, при этом величина импортных операций увеличивается быстрее, чем экспорта. Опережающий рост импорта связан, с одной стороны, с либеральной торговой политикой Грузии, а с другой — с недостаточным экспортным потенциалом страны.

К основным товарным группам экспорта Грузии относятся руды, шлак и зола, в частности, категория «медные руды и концентраты» (15,0% всего экспорта в 2018 г.), и напитки, спиртные напитки и уксус (14,1%). Значимую долю в экспорте занимают железо и сталь (12,2%), при этом 85% экспорта товарной группы приходится на ферросплавы. Рост доли промышленного производства в экспорте Грузии достигнут за счет реэкспорта автомобилей, а именно их импорта из США, Германии, Бельгии и экспорта в соседние страны, преимущественно в Азербайджан и Армению.

Основу товарного импорта Грузии составляют минеральные топлива и нефтепродукты (14,6% в 2018 г.), при этом более 30% поставляется из Азербайджана и 20% — из России. К ключевым товарным группам импорта Грузии также относятся оборудование и механические устройства (10,9%), транспортные средства (кроме ж/д вагонов и трамваев) и их комплектующие (9,0%), электрические машины и оборудование (6,9%). Структура импорта Грузии отражает высокую зависимость страны от международных рынков энергоносителей и промышленных товаров, поэтому любые внешние шоки представляют значительные риски для экономики страны.

Отметим значительный дефицит в торговле продовольствием Грузии. В 2001 г. его экспорт был меньше 100 млн долл., а импорт составил около 160 млн долл. В 2018 г. первый резко вырос — до 1,04 млрд долл., но второй повысился до 1,28 млрд долл. Это говорит как об ограниченных возможностях собственного сельского хозяйства, так и о росте благосостояния граждан Грузии и

увеличении потока туристов, которых надо обеспечивать продовольствием (как и до 1990 г.). Экспорт услуг развивался активнее, чем торговля товарами, и его доля в ВВП увеличилась с 11,5% в 2005 г. до 27,5% в 2018 г. В структуре экспорта услуг устойчиво растет доля туризма и снижается доля транспортных услуг.

География внешней торговли простая: на ЕС, Турцию, Россию и Китай приходится 60% импорта и несколько меньше половины экспорта. Учитывая значительный торговый дефицит в целом, наибольший дисбаланс торговли образовался, естественно, с ЕС: – 1,8 млрд долл. в 2018 г. (табл. 5).

Около 45% экспорта Грузии приходится на страны СНГ, среди них ключевыми рынками сбыта выступают Азербайджан (15,0% в 2018 г.), Россия (13,0%) и Армения (8,5%). Заметный рост экспорта в Азербайджан связан с увеличением более чем в два раза поставок транспортных средств (их удельный вес составил 40%) и более чем в три раза — поставок табачных изделий (25%). В Россию экспортируются преимущественно ферросплавы и вино. Крупнейшие поставщики товаров на рынок Грузии — Турция (16,1% в 2018 г.), Россия (10,3%) и Китай (9,1%). Торговый баланс Грузии с Евросоюзом отрицательный: в 2018 г. импорт из стран ЕС (2493 млн) почти в 3,5 раза превысил экспорт (741 млн). Значительное отрицательное сальдо наблюдается в торговле с Турцией, Китаем и Россией.

Таблица 5

Географическая структура внешней торговли Грузии 2001—2018 гг. (доля отдельных стран, в %)

Страна	Экспорт			Импорт			Сальдо, млрд долл.
	2001	2017	2018	2001	2017	2018	
Всего, млрд долл.	0,3	2,7	3,4	0,8	7,9	9,1	–5,7
ЕС	17,6	24,0	21,8	28,5	27,7	27,4	–1,8
Азербайджан	3,1	9,9	15,0	9,7	7,0	6,4	–0,09
Россия	23,3	14,5	13,0	12,3	10,0	10,3	–0,5
Китай	0,3	7,4	5,9	0,5	9,2	9,1	–0,6
Армения	3,9	7,7	8,5	1,4	3,5	3,7	–0,06
Турция	22,0	7,9	6,9	14,2	17,3	16,1	–1,2
США	2,8	4,5	4,8	8,5	3,4	3,9	–0,2
Украина	3,6	4,6	5,2	6,7	5,6	5,7	–0,3

Источник: Trademap.

В последнее десятилетие туризм стал одним из наиболее динамично развивающихся секторов грузинской экономики благодаря туристической инфраструктуре, построенной в период экономических реформ начала XXI в. Добавленная стоимость туристических фирм в 2007—2018 гг. выросла в 6,6 раза, а аналогичный показатель для отелей и средств размещения — в 6,1 раза (Аналитический центр при Правительстве РФ, 2019). Удельный вес туризма в общем экспорте услуг увеличился с 32,7% в 2005 г.

до 71,8% в 2018 г.

Россия, Азербайджан, Армения и Турция традиционно обеспечивают 68—77% входящего туристического потока Грузии. В 2018 г. первое место заняла Россия (20,9% всех туристов). Однако туристический поток из России в дальнейшем может сократиться в связи с запретом авиасообщения между двумя странами с 8 июля 2019 г. Туристическая отрасль не занимает заметное место в занятости. По сути, структура экономики Грузии за 30 лет эволюционировала в сторону типичной для страны растущих туристических потоков (средиземноморского типа) с соответствующей занятостью и доходностью. Можно сказать, что Грузия попала в своеобразную «туристическую ловушку»: благодаря туризму экономика растет, но не развивается, поскольку потребности туристов во многом удовлетворяются за счет импортных товаров (Paparva, 2018).

* * *

В заключение можно сказать, что экономика Грузии преодолела тяжелый 30-летний период, понеся большие потери в человеческом капитале. В последние годы она развивается более или менее сбалансированно, что отмечает МВФ (IMF, 2019). Но эта устойчивость роста довольно хрупкая. Экономика страны критически зависит от поступления внешних средств по основным каналам из нескольких источников: внешние инвестиции и займы, поступления от туристической отрасли и рост личных переводов из-за рубежа. Серьезный сбой в поступлениях средств в размере 100—200 млн долл. по одному из этих каналов может снизить уровень сбережений и затормозить рост экономики. Туристическая отрасль как ведущий драйвер роста — очень высококонкурентный бизнес, в котором сложно планировать увеличение доходов. Поэтому грузинская экономика для своего долгосрочного развития нуждается во внутренней и внешней стабильности.

Список литературы / References

- Аналитический центр при Правительстве РФ (2019). Грузия: особенности экономического роста // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. № 46. [Analytical Center for the Government of the Russian Federation (2019). Georgia: Peculiarities of economic growth. Bulletins on Current Trends in Global Economy, No. 46. (In Russian).] <http://ac.gov.ru/files/publication/a/23369.pdf>
- Беридзе Т., Меквабишвили Э. (2018). Тернистый путь экономических реформ в посткоммунистической Грузии: ретроспектива и перспектива // Ekonomisti. № 1. С. 18—36. [Beridze T., Mekvabishvili E. (2018). The “thorny road” of economic reforms in post-communist Georgia: Retrospective and perspective. Ekonomisti, No. 1, pp. 18—36. (In Russian).]

- Григорьев Л. М. (2015). Трансформация России — для людей или для элит? // *Полития*. № 1. С. 114—139. [Grigoryev L. M. (2015). Transformation of Russia: For people or for elites? *Politiya*, No. 1, pp. 114—139. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Иванова О. В., Корчагина О. С. (1991). Экономика СССР: новая фаза кризиса // *Тенденции мирового экономического развития*. М.: Наука. [Grigoryev L. M., Ivanova O. V., Korchagina O. S. (1991). Economy of the USSR: A new phase of the crisis. In: *Trends of world economic development*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Григорьев Л., Кондратьев С., Салихов М. (2008). Трудный выход из трансформационного кризиса (случай Грузии) // *Вопросы экономики*. № 10. С. 79—95. [Grigoriev L., Kondratiev S., Salikhov M. (2008). Difficult way out of transformational crisis (the case of Georgia). *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 79—95. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-10-77-95>
- Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. (2018). Социальное неравенство в мире: тенденции 2000—2016 гг. // *Вопросы экономики*. № 10. С. 29—52. [Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. (2018). Social inequality in the world: Trends during 2000—2016. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 29—52. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-29-52>
- Денисенко М. Б. (ред.) (2018). Демографическое развитие постсоветского пространства. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. [Denisenko M. B. (ed.) (2018). *Demographic development of the post-Soviet space*. Moscow: Economic faculty, Lomonosov MSU. (In Russian).]
- Папава В. Г. (2013). Экономика Грузии: в поиске модели развития // *Мир перемен*. № 3. С. 47—58. [Papava V. G. (2013). Economy of Georgia: In search of development model. *Mir Peremen*, No. 3, pp. 47—58. (In Russian).]
- Пылин А. Г. (2013). Экономика постсоветской Грузии: тенденции и проблемы // *Российский экономический журнал*. № 1. С. 86—95. [Pylin A. G. (2013). Economy of post-Soviet Georgia: Trends and problems. *Russian Economic Journal*, No. 1, pp. 86—95. (In Russian).]
- Чедия Б. (2010). Место Грузии на политической карте Европы: формирование новых геополитических реалий // *Центральная Азия и Кавказ*. № 1. С. 22—32. [Chediya B. (2010). The place of Georgia on the political map of Europe: Formation of new geopolitical realities. *Centralnaya Aziya i Kavkaz*, No. 1, pp. 22—32. (In Russian).]

Grigoryev L. M. (1992). Soviets need a unified free economy. *New York Times*, September 12. Grigoryev L., Popovets L. (2019). Sociology of individual tragedies. Homicides and suicides: Cross-country cluster analysis. *Russian Journal of Economics*, [forthcoming].

IMF (2019). Georgia: Fourth review under the extended fund facility arrangement and request for modifications of quantitative performance criteria. IMF Country Report, No. 19/171. <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/06/19/Georgia-Fourth-Review-Under-the-Extended-Fund-Facility-Arrangement-and-Request-for-47008>

Nicholson A. (2019). Russia's wine threat drives Georgian currency to weakest ever. *Bloomberg*, June 25. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-25/russia-s-wine-threat-drives-georgian-currency-to-weakest-ever>

Papava V. G. (2018). Georgia's economy in a "tourist trap". Rondeli Foundation, July 25. <https://www.gfsis.org/blog/view/854>

World Bank (2006). *Doing business 2007: How to reform*. Washington, DC. <http://documents.worldbank.org/curated/en/571261468313825416/pdf/414440PAPER0Do10082136488X01PUBLIC1.pdf>

World Bank (2018). New country classifications by income level: 2018—2019. *World Bank Blogs*, July 1. <https://blogs.worldbank.org/opendata/new-country-classifications-income-level-2018-2019>

Economy of Georgia: Fragile economic stability

Leonid M. Grigoryev^{1,2,*}, Victoria A. Pavlyushina^{1,2}, Nesipli M.-A. Kulaeva^{2,3}, Evgeniya E. Muzychenko^{1,2}

Authors affiliation: ¹ National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ² Analytical Center for the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); ³ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). * Corresponding author, email: lgrigor1@yandex.ru

This paper is devoted to the analysis of the main factors of

economic growth stability of Georgia persistent during the last 30 years of the country's development. Exceptional gravity of the crisis in the beginning of market transformation of Georgia in 1980—1990 as well as the success of market reforms is discussed. The article also highlights the consequences of the transitional period both for the citizens of the country and for the whole economy, in particular for human capital development under conditions of persistent socio-economic imbalances. In addition, this research analyzes recent changes in the structure and the drivers of economic growth and the dependence of Georgian economy on external financing (both investments and personal remittances). Even though there has been a noticeable macroeconomic stability in the post-Soviet period which manifests itself in stable GDP growth rates, social development of Georgia is still characterized by a number of problems such as low natural population growth, high levels of poverty and social inequality.

Keywords: economic growth, Georgia, post-Soviet states, human capital.

JEL: O11, O15, P2, P21, Z32.